

Рита Поддубная

Ф. М. Достоевский и Т. Г. Шевченко

Studia Rossica Posnaniensia 16, 51-77

1981

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РИТА ПОДДУБНАЯ
Харьков

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ И Т. Г. ШЕВЧЕНКО

Сопоставление имен Федора Достоевского и Тараса Шевченко никогда не было предметом литературоведческого исследования — настолько не похожи общественно-эстетические позиции, литературные судьбы и творчество художников, принадлежавших разным поколениям, работавших в разных родах литературы.

Однако несколько чрезвычайно важных моментов в жизни писателей оказались удивительно сходными и могли привлечь внимание Достоевского к украинскому поэту.

21 ноября 1860 года в Петербурге, в зале Пассажа, состоялся вечер Литературного фонда в пользу воскресных школ. На нем читали свои произведения В. Бенедиктов, Я. Полонский, А. Майков, Ф. Писемский, Т. Шевченко и Ф. Достоевский. Заметку о предстоящих чтениях с обозначением всех выступающих „Санкт-Петербургские ведомости” поместили уже 9 ноября. Первые выступления писателей на вечерах Литературного фонда были большим общественным событием, одним из свидетельств всеобщего пробуждения после безмолвия николаевского царствования, одним из проявлений „феномена шестидесятых годов” (Н. Шелгунов). Поэтому интерес к ним, судя по эпистолярной литературе и воспоминаниям 60-х годов, был большим и особым. Многочисленные мемуаристы — Л. Ф. Пантелеев, Е. А. Штакеншнейдер, П. Д. Боборыкин, П. И. Вейнберг, Д. В. Григорович и др. — единодушно говорят о восторженном приеме, который публика оказала на вечере в Пассаже Шевченко, чем предельно растрогала поэта. Достоевскому, вспоминает Л. Пантелеев, „тоже была сделана самая трогательная овация”. И добавляет: „Литературная слава его была еще в зародыше, но в нем чтили недавнего страдальца”¹. Тем же обстоятельством объясняет успех выступления Достоевского П. Д.

¹ Л. Ф. Пантелеев, *Из воспоминаний прошлого*, Москва—Ленинград 1934, с. 157 - 158.

Боборькин: „Тогда публика, особенно молодежь, еще смотрела на него только как на бывшего каторжанина, на экс-политического преступника. Тогдашний Достоевский еще считался чуть не революционером”². Под несколько иным углом зрения размышляет о степени восторга, с каким встретили Шевченко и Достоевского, Е. А. Штакеншнейдер: „Вот век изучай и все не поймешь то, что называют публикой. Шевченку она приняла так, точно он гений, сошедший в залу Пассажа прямо с небес. Думаю, что неистовый шум этот относился не столько лично к Шевченку, сколько был демонстрацией. Чествовали мученика, пострадавшего за правду. (Уж будем все, за что они страдали, называть правдой, хотя я и не знаю хорошенько, за что они страдали, довольно того, что страдали). Шевченко был только солдатом, Достоевский был в Сибири, на каторге. Между тем Шевченку ошеломили овациями, а Достоевскому хлопали много, но далеко не так. Вот и разбери”³. Не касаясь оценок, данных мемуаристами, отметим единое объяснение ими демонстративного отношения к писателям — чествовали мучеников, пострадавших за правду.

Эта общественная демонстрация остро подчеркнула то принципиальное сходство в судьбах русского писателя и украинского поэта, которое резко отделяло их от всего литературного окружения. Каждый из них, будучи уже известным в литературе именем или блистательно дебютировав, становится активным членом тайного общества: Шевченко — Кирилло-Мефодиевского братства, Достоевский — общества Петрашевского. Шевченко арестован в апреле 1847 года, Достоевский — два года спустя, в апреле 1849. По приговору суда Шевченко был на десять лет заключен в „незапертую тюрьму”, обречен солдатчине. Достоевскому был вынесен смертный приговор, затем „милостиво” замененный 4,5 годами каторжных работ с последующим определением рядовым в Семипалатинский линейный батальон. Шевченко вернулся в Петербург в марте 1858 года, Достоевский — в декабре 1859 года⁴. Большие художники, прошедшие примерно в одно и то же время десятилетнее испытание каторгой, солдатчиной и ссылкой, приобретшие опыт, равного которому не было ни у кого из окружавших их литераторов, Достоевский и Шевченко едва ли могли остаться равнодушными друг к другу и как люди, и как художники. Тем более, что материалы свидетельствуют о многочисленных и весьма существенных точках соприкосновения между ними.

² П. Д. Боборькин, *За полвека. Воспоминания*, Москва 1965, с. 281.

³ Е. А. Штакеншнейдер, *Дневник и записки*, Москва—Ленинград 1934, с. 269 - 270.

⁴ Это несомненное сходство судеб было отмечено в появившихся на Украине откликах на смерть Достоевского в статье-некрологе: Ф. Вовка, *Ф. М. Достоевский* („Світ” 1881, № 4) и в предисловии М. Подолинского к украинскому переводу *Преступления и наказания* (Львов 1887). Но для обоих критиков сходство жизненных испытаний лишь контрастно оттенило идейную стойкость Шевченко (см.: В. Ф. Осмоловський, *Сприйняття Достоевського на Україні*, „Радянське літературознавство” 1971, № 11, с. 50 - 51). И. Франко в *Тюремних сонетах* назвал это сходство как пример трагической доли каждого большого художника в самодержавной России.

Прежде всего есть основания полагать, что имена писателей были известны друг другу уже в 1840-е годы.

В „Описи книгам, принадлежавшим Т. Г. Шевченко”, под № 45 значится: *Петербургский сборник*. СПб., 1846, с автографом”⁵. Центральным произведением этого сборника был роман Достоевского *Бедные люди*. „*Бедные люди*, роман г. Достоевского, — писал Белинский, — в этом альманахе первая статья и по месту и по достоинству”⁶. Не обратить внимания на роман было невозможно, так как о нем заговорили задолго до печатания альманаха. „Слухи о *Бедных людях* и новом, необыкновенном таланте, готовом появиться на арене русской литературы, задолго предупредили появление самой повести”, — писал Белинский в той же статье. Подобные слухи могли дойти и до Шевченко, потому что в его близком окружении 1840-х годов находился Д. В. Григорович. Друг Достоевского по инженерному училищу, испытывавший его самое благотворное влияние, под его воздействием приобщившийся к литературе, Григорович еще в 1840-м году покинул училище и стал брать уроки живописи в Академии художеств, мечтая попасть в ученики к К. Брюллову. Именно здесь он подружился с Шевченко: „В числе учеников К. Брюллова находился в то же время Т. Г. Шевченко, с которым я сам не знаю как, близко сошелся, несмотря на значительную разницу лет (...) Я посещал его довольно часто и постоянно заставлял за работой над какой-нибудь акварелью — единственным его средством к существованию. Сколько помню, Шевченко был тогда постоянно в веселом настроении духа; я ходил слушать его забавные рассказы и смеялся детским простодушным смехом”⁷. Трудно предположить, чтобы экспансивный Григорович, неистощимый и остроумный рассказчик, восторженно воспринимавший новых людей, чутко реагирующий на все талантливое, не рассказал каждому из друзей — и Достоевскому, и Шевченко — о друге. Ведь Шевченко привлекал Григоровича не только как талантливый художник, но и как самобытный поэт, сборник которого *Кобзарь* вышел в Петербурге как раз в 1840 году. Судя по рассказанному в воспоминаниях эпизоде о первой книге Некрасова *Мечты и звуки*, печатное поэтическое слово производило на Григоровича почти магическое воздействие, и это позволяет полагать, что столь же восторженно, как о Некрасове, Григорович мог рассказывать Достоевскому и о Шевченко. Но упомянутый эпизод показывает, что восторги Григоровича могли не произвести никакого впечатления на Достоевского, но оставить в памяти имя талантливого человека и художника из народа с необычайной судьбой. Благодаря Григоровичу, Шевченко мог услышать о романе Достоевского до появления *Петербургского сборника*. Поэт мог не прочесть сборник сразу по его выходу, ибо находился на Укра-

⁵ Ч. Айзеншток, *Замітки й матеріали про Шевченко*, „Червоний шлях” 1923, № 8, с. 237.

⁶ В. Г. Белинский, *Полное собрание сочинений*, т. IX, Москва 1955, с. 543.

⁷ Д. В. Григорович, *Литературные воспоминания*, Ленинград 1928, с. 72.

ине. Но он безвыездно жил в столице с февраля 1844 по март 1845 года, то есть в период „нового сближения” Григоровича и Достоевского, когда они жили на одной квартире, когда Достоевский заканчивал свое первое произведение и Григоровичу довелось быть его первым потрясенным слушателем. В том широком круге лиц, с которыми Григорович активно делился впечатлениями, мог оказаться и Шевченко.

И еще одно лицо из близкого окружения Достоевского этого периода заслуживает внимания в качестве посредника возможного заочного знакомства писателей — Константин Александрович Трутовский. Он тоже был соучеником Достоевского по инженерному училищу и, постоянно посещая Достоевского на квартире с февраля - марта 1842 по 1846 год, часто встречался здесь с Григоровичем⁸. В 1846 и 1849 годах Достоевский по несколько дней жил у Трутовского, и его письма свидетельствуют о самых теплых отношениях между молодыми людьми⁹. В эти же годы (1845 - 1849) Трутовский учился в Академии художеств. Он был талантливым живописцем, впоследствии приобретшим известность иллюстрациями к произведениям Шевченко и полотнами на темы его стихов и поэм. В 1860-е годы он уже знаком с Шевченко: Л. Ф. Пантелеев называет обоих среди частых посетителей журфиксов „Основы”¹⁰, а М. Максимович в письме Шевченко от 25 марта 1860 года просит передать в числе близких знакомых и Трутовскому¹¹. Отсутствие точных данных о месте и времени знакомства поэта и художника не исключает возможности отнести его к 1840-м годам — Трутовский знал имя Шевченко от Григоровича и было бы естественно, если бы последний представил начинающего художника талантливому и любимому ученику К. Брюллова. Если же Трутовский не успел познакомиться с Шевченко в 1845 году, то сделал это, очевидно, сразу по возвращении поэта из ссылки. И если не в 40-е, то в 60-е годы Трутовский мог многое рассказать Шевченко о Достоевском, а с декабря 1859 года — Достоевскому о Шевченко, поскольку дружба бывших соучеников по инженерному училищу возобновилась сразу, хотя и без прежней задушевности.

Кроме того, неоднократно отмеченная современниками начитанность Достоевского, внимание ко всем литературным новинкам едва ли позволили бы ему пропустить рецензии на некоторые произведения Шевченко, хотя бы поэму *Тризна*, о которой в эти годы писали все крупные газеты и журналы, в том числе „Отечественные записки” (1844, т. 34, отд. IV), за чьим крити-

⁸ А. М. Достоевский, *Из „Воспоминаний”*. В кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. I, Москва 1964, с. 93.

⁹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, т. I, Москва—Ленинград 1928, с. 93 - 94. См. также: Г. Коган, *В гостях у Достоевского. Неизвестный рисунок К. А. Трутовского*, „Прометей” 1972, т. 8, с. 344 - 346.

¹⁰ Л. Ф. Пантелеев, *Из воспоминаний прошлого*, с. 170.

¹¹ М. Чалий, *Жизнь и произведения Т. Г. Шевченко*, 1882, с. 177. Цитирую по кн.: В. Анісов, Е. Середа, *Літопис життя і творчості Т. Г. Шевченко*, Киев 1959, с. 330.

ческим отделом Достоевский следил очень внимательно. Шевченко—художник мог стать известным ему не только по рассказам друзей, но и по иллюстрациям к сборникам *Наши, списанные с натуры русскими людьми* (СПб 1841) и *Сто русских литераторов* (СПб 1841), тем более что рисунки Шевченко были похвально отмечены в печати, а сборники в письмах Достоевского.

Чем же можно объяснить полное отсутствие упоминаний о Шевченко и даже отдаленных намеков на знакомство с него именем и творчеством в бумагах Достоевского 1840-х годов?

Прежде всего тем, что Достоевский, как правило, говорил только о наиболее интересных или чем-либо поразивших его литературных явлениях. Любопытный пример тому содержит его письмо брату, датированное концом октября 1846 года. Доказывая выгоды отдельного издания своего сочинения, он пишет: „Вот пример: *Пан Холявский* Основьяненко был напечатан в *Отечественных записках* три года назад. Потом издан отдельно и теперь уже хотят делать издание”¹². Письмо показывает не только знакомство Достоевского с повестью Основьяненко, но и великолепную осведомленность обо всех ее изданиях, хотя никаких других упоминаний об этом украинском писателе у него нет. Необходимо учитывать и другое: большинство русских литераторов не было и не считало себя настолько сведущими в украинском языке и поэзии, чтобы составить полное представление о художественной ценности произведений Шевченко. Запись в дневнике Н. А. Момбелли достаточно четко отражает отношение передового русского общества 1840-х годов к его поэзии: „На поприсе художеств он не пользовался известностью. Он гораздо счастливее относительно литературы. Малороссия считает его в числе своих любимых поэтов. Я малороссийского языка не знаю или знаю слишком мало, а потому судить не могу, малороссияне же говорят, что Шевченко истинный поэт, поэт с чувством, поэт с воодушевлением”¹³. Наконец, на восприятие Достоевским произведений Шевченко могло повлиять и сдержанное отношение Белинского к украинскому поэту, в частности, отрицательная оценка критиком поэмы *Гайдамаки*.

Однако, начиная 1847 годом, умолчание о Шевченко приобретает иной характер. Русское передовое общество очень интересовалось Кирилло-Мефодиевским братством и участью Шевченко. „В настоящее время, — пишет уже упоминавшийся Н. А. Момбелли, — все шепчутся и говорят по секрету с видом таинственности об открытом и схваченном правительством обществе будго бы славянофилов”. О Кирилло-Мефодиевском братстве много говорили и в окружении Белинского, и среди петрашевцев, особенно в среде последних. Дело в том, что с 1844 - 1845 годов Шевченко знаком с петрашевцами Р. Р. Штрандманом и Н. А. Момбелли. Записки последнего находятся в отобран-

¹² Ф. М. Достоевский, *Письма*, т. I, с. 101.

¹³ *Дело петрашевцев*, т. I, Москва—Ленинград 1937, с. 309 - 310.

ных при аресте бумагах мая - ноября 1847 года, когда их автор активно посещал пятницы Петрашевского и входил, вместе с Достоевским, в кружок Дурова и семерку Спешнева. Трудно предположить, чтобы Момбелли не поделился с единомышленниками своими раздумьями о братстве и о Шевченко. С поэтом Момбелли познакомился на пятницах у Е. П. Гребенки и, видимо, встречался неоднократно, потому что на специальный вопрос следственной комиссии об источнике информации о братстве ответил так: „Записанный мною рассказ, помнится, заимствован от Гребенки, у которого в продолжение нескольких зим я почти постоянно бывал по пятницам”¹⁴. Шевченко также постоянно бывал на литературно-музыкальных вечерах Гребенки, начиная с зимы 1837 - 1838 годов, так что до отъезда поэта на Украину они могли видаться достаточно часто. Таким образом, дневниковые записи Момбелли можно рассматривать как краткое изложение того, что было известно и Достоевскому о Шевченко. Кроме того, рассказы о поэте в 1847 — начале 1848 года он мог слышать и непосредственно от Е. П. Гребенки или от Р. Р. Штрандмана, с которыми постоянно сталкивался в редакции обновленного „Современника”. В указанный период издателей „Современника” готовили *Иллюстрированный альманах*, среди публикаций которого *Ползунок* Достоевского и повесть Гребенки *Заборов*. Альманах был запрещен, и его участники встречались в редакции, обсуждая решение цензора А. Л. Крылова, в котором оказались своеобразно связанными имена и произведения Достоевского и Гребенки. Цензор считал, что эти произведения „сами по себе” могут быть „чтением довольно безукоризненным”, но принимают „совсем иной свет, потому что помещены в подборе с другими статьями, которых цензура не может не осудить”¹⁵. Поскольку хлопоты, связанные с альманахом, происходили в октябре 1847 — марте 1848 года, то сочетание имен Достоевского и Гребенки приобретает выразительные возможности в аспекте исследования настоящей статьи. Тем более, что активнейшим сотрудником „Современника” был и Р. Р. Штрандман — составитель петербургской части „Современных заметок” в отделе „Смесь” в течение всего первого года нового издания. „Благодаря ему, — пишет В. Евгеньев-Максимов, — редакция «Современника» могла поддерживать известный контакт с петрашевцами”¹⁶. Не решаясь на столь категорические утверждения, замечу только, что Достоевский назван в числе ведущих писателей журнала в объявлении на 1847 и 1848 годы, что его *Роман в девяти письмах* помещен именно в отделе „Смесь” (1847, № 1) и что существовавшая, но не известная переписка Достоевского со Штрандманом свидетельствует о достаточно тесных связях

¹⁴ Там же, с. 328 - 329.

¹⁵ В. Евгеньев-Максимов, „Современник” в 40 - 50-е годы. От Белинского до Чернышевского, Ленинград 1934, с. 251 - 252.

¹⁶ Там же, с. 163.

между ними¹⁷. Приведенные факты свидетельствуют о том, что Достоевский мог быть достаточно хорошо осведомлен о Шевченко периода Кирилло-Мефодиевского братства.

А к 1849 году петрашевцы знают об обстоятельствах ареста и участии украинского поэта очень точно: об этом доносил П. Д. Антонелли¹⁸, этот факт настойчиво подчеркивал И. П. Липранди¹⁹. На основании донесений Антонелли Буташевичу-Петрашевскому на следствии задали специальный вопрос: „Объясните, что вам известно о волнении умов в Малороссии и кто такой Шевченко?“ Руководитель общества ответил на него весьма своеобразно: „Об этом никогда не говорил с Антонелли“²⁰. По существу Петрашевский отрицал не свою осведомленность в содержании вопроса, а факт обсуждения его с Антонелли. Разговоры же о Шевченко петрашевцы, видимо, вели часто. Косвенным подтверждением тому, кроме донесения Антонелли, любопытная фраза из показаний Петрашевского от 1 - 2 июля 1849 года. Беря всю ответственность на себя, стремясь спасти товарищей, Петрашевский пишет в этих показаниях, что своим стремлением разъяснить истину он на следствии юридически погубил и себя и других, ибо комиссия разъяснение сочла признанием вины. Перечисляя такого рода моменты, он спрашивает: „Скажите пожалуйста, как толковать мне было вопрос, извлеченный из письма Тимковского, о числе социалистов. [...] Вопрос о Шевченке, деланный мне не раз Черношвитовым, и положительное утверждение всего того, что в вопросе означено“²¹. Учитывая, что в следственном деле Р. А. Черношвитова нет ни одного упоминания Шевченко, что вопрос о последнем комиссия задавала Петрашевскому, ссылаясь на Антонелли, но ни разу не связывая это имя с какими-либо заявлениями Черношвитова, можно считать, что Петрашевский имел в виду вопросы о Шевченко не периода следствия, а времени заседаний общества.

Эти материалы говорят не только об осведомленности петрашевцев о Шевченко, но и об их неослабевающем интересе к украинскому поэту, интересе, который не исчерпывался сочувствием.

В следственном деле Н. А. Момбелли находится адресованное ему письмо А. И. Макшеева от 15 апреля 1849 года. Автор письма подробно описывает экспедицию на Аральское море, участником которой был и ссыльный Тарас Шевченко, незадолго до того приславший Макшееву записочку, полную ощущения тоски и одиночества: „26 марта 1849 года. Раим. Я уже два месяца как оставил свою резиденцию Кос-Арал, почему и не могу вам сообщить ничего нового — о тамошнем житье-бытье любезного А. И., а о Раиме и го-

¹⁷ *Неизданный Достоевский. Литературное наследство*, т. 83, Москва 1971, с. 155, 170.

¹⁸ *Дело петрашевцев*, т. III, Москва 1951, с. 406 - 407.

¹⁹ В. Нечаева, *Петрашевцы и Шевченко (По материалам донесения И. П. Липранди)*, „Записки отдела рукописей Всесоюзной библиотеки им. Ленина“ 1939, вып. 5, с. 22 - 25.

²⁰ *Дело петрашевцев*, т. I, с. 161 - 162.

²¹ Там же, с. 172.

ворить нечего — неизменяемый! В воспоминаниях ваших о плавании по морю бурному Аральскому оставьте уголок для незабывающего вас Т. Шевченко”²². Н. А. Момбелли и А. И. Макшеев — „совоспитанники по корпусу и сотоварищи по службе” — постоянно встречались в 1846 - 1847 годах на литературно-музыкальных „понедельниках” у Момбелли, где Макшеев активно читал доклады, большей частью по истории. „Понедельники” Момбелли постоянно посещали петрашевцы Пальм, Львов, Языковы. Об этих вечерах и их участниках очень тепло вспоминает Макшеев и в письме от 15 апреля. И хотя данное письмо не содержит никаких упоминаний Шевченко, рассказы о ссыльном поэте, видимо, были в предшествующей переписке. Судя по постоянным ссылкам на прежнюю информацию и по начальной фразе этого письма: „Я люблю получать от вас письма, Николай Александрович!”, переписка была интенсивной. Следует учесть еще один момент: записки Момбелли показывают, что о Кирилло-Мифодиевском братстве „много шептались” и на „понедельниках” Момбелли, следовательно, имя Шевченко прибывшему в Оренбург Макшееву было хорошо известно. Естественно в таком случае полагать, что Шевченко не случайно попал в экспедицию Бутакова, как не случайны были рапорты начальника экспедиции о безукоризненном поведении рядового Шевченко, о представлении его к награде и с просьбами облегчить его участь²³. Так восстанавливается один из источников осведомленности петрашевцев о Шевченко и один из путей, которыми они пытались активно повлиять на судьбу поэта.

Обращает на себя внимание и еще одна линия возможной связи между петрашевцами и Шевченко. В марте 1849 года петрашевец А. Н. Плещеев, будучи в Москве, познакомился с великим русским актером М. С. Щепкиным. Материалы свидетельствуют, что поездка Плещеева носила характер пропагандистский и, так сказать, разведывательный относительно сочувствия тем идеям, которые собиралась реализовать группа Спешнева²⁴. И если знакомство со Щепкиным все-таки не было целенаправленным, то в любом варианте при разговоре с ним едва ли осталось забытым имя Шевченко.

Эти факты значительны потому, что между всеми названными людьми существовали самые тесные дружеские и идейные связи. Перечисляя тех, кому надо дружески поклониться от него в Петербурге, А. Н. Плещеев одним из первых называет Н. А. Момбелли, а само письмо о московских впечатлениях адресовано Ф. М. Достоевскому. В непосредственном окружении последнего этих лет находятся и Н. А. Момбелли, и М. В. Бутаевич-Петрашевский.

²² Т. Г. Шевченко, *Повне зібрання творів*, т. 4, Киев 1964, с. 56.

²³ К аналогичному выводу приходит О. П. Веремієва в статье *Ідейні зв'язки Т. Г. Шевченко і петрашевців*” (В кн.: Львівський університет. Збірник робіт аспірантів кафедр суспільних наук 1961, с. 139 - 140).

²⁴ См.: *Дело петрашевцев*, т. III, с. 288; Е. М. Феоктистов, *За кулисами политики и литературы. 1848 - 1896*, Ленинград 1929, с. 164 - 166.

Поэтому правомерно утверждать, что все известное им о Шевченко, было в равной степени известно и Достоевскому. Эта информация должна была внести существенные коррективы в тот облик талантливой, но незлобивой поэта из народа, который мог сложиться у писателя по рассказам Д. В. Григоровича.

Личность и судьба Достоевского в свою очередь не раз могли привлечь внимание Шевченко во время пребывания его в ссылке.

Прежде всего, как показали исследователи, изоляция Шевченко от литературы в годы солдатчины не была абсолютной: отдельные книги и журналы попадали и в Новопетровский форт. Здесь познакомился Шевченко и со статьей Белинского *Взгляд на русскую литературу 1846 года*²⁵. Значительное место в ней занимает анализ *Бедных людей*. Высокая оценка критиком гуманизма, демократизма, необыкновенного таланта Достоевского должна была придать особое звучание рассказам, воспоминаниям и впечатлениям людей, хорошо знавших Достоевского и волею обстоятельств теперь сведенных с Шевченко. Из их числа необходимо назвать петрашевцев А. В. Ханькова и уже упоминавшегося А. Н. Плещеева, сосланных в январе 1850 года в роты отдельного Оренбургского корпуса, где с ними и подружился Шевченко.

С Ханьковым и Плещеевым Достоевский близко знаком с 1846 года по кружку братьев Бекетовых, после распада которого все трое сблизилось с обществом Петрашевского²⁶. Следует особо учесть, что Достоевского и Плещеева связывают в 1840-е годы удивительно сердечные отношения. Воспоминания Д. В. Григоровича и С. Д. Яновского, посвящение Достоевским и Плещеевым друг другу соответственно повестей *Белые ночи* и *Дружеские советы*, тон их переписки и тревожный вопрос Достоевского в первом же по освобождении из каторги письме брату: „Видишься ли с m-me Плещеевой, что сын?“ — все это показывает, как много скрывалось за официальным признанием Достоевского на следствии, что Плещеев был из немногих наиболее близких ему людей²⁷. При первой же возможности друзья возобновили переписку. Она не сохранилась, но судя по письмам Достоевского другим адресатам, была весьма и весьма деятельной. Укреплению дружбы Достоевского и Плещеева в 1840-е годы много способствовала общая увлеченность литературой, несомненный и уже признанный талант каждого. Для более молодого Плещеева Достоевский был и литературным учителем, и строгим судьей, и критиком, и благодатным слушателем, и бескорыстным помощником²⁸.

²⁵ Ф. Я. Прийма, *Шевченко и русская литература XIX века*, Москва—Ленинград 1961, с. 161.

²⁶ Н. Ф. Бельчиков, *Достоевский в процессе петрашевцев*, Москва 1971, с. 34.

²⁷ Ф. М. Достоевский, *Письма*, т. I, с. 140; Н. Ф. Бельчиков, *Достоевский в процессе петрашевцев*, с. 123.

²⁸ С. Д. Яновский, *Воспоминания о Достоевском*. В кн.: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, т. I, с. 167 - 168.

По всем этим причинам Плещеев необходимо должен был рассказать Шевченко о своем друге, которого ведущие критики эпохи — Белинский и В. Майков — признали гениальным художником. Многие из эстетических установок Достоевского должны были заинтересовать украинского поэта: внимание к униженным и оскорбленным, гуманизм и демократизм, интерес к природе человека и в этой связи необычное толкование Христа и христианства и др. Плещеев обязательно должен был рассказать о знакомстве Достоевского с Белинским, об их разрыве, о чтении Достоевским письма Белинского Гоголю, что было главным пунктом обвинения Достоевского, а распространение письма — главным обвинением Плещеева. Естественно полагать, что Плещеев не только Шевченко рассказывал о Достоевском, но как только наладилась переписка с бывшим узником „мертвого дома“, рассказывал и ему о трагической судьбе поэта. Тем более, что в те же годы Плещеев интенсивно переписывался и с Шевченко²⁹.

В годы ссылки поэта рассказать ему о Достоевском мог еще один человек, о котором Шевченко отзывался восторженно, — Н. Я. Данилевский. Шевченко познакомился с ним в сентябре 1853 года в экспедиции академика Бера. Вторично они виделись в 1854 году. Письма Шевченко Б. Залесскому от 9 октября и от 8 ноября 1854 года содержат настоящий „панегирик прекрасному уму и сердцу Данилевского“, и признание, что в продолжение двух месяцев они почти не разлучались и сблизились до „самой искренней дружбы“. Шевченко восхищен широтой ума и всесторонностью интересов Данилевского: „Человек умный и благородный в широком смысле этого слова; и показался для того только, чтобы встревожить мою дремавшую бедную душу; все же я ему благодарен и благодарен глубоко“. Это признание достаточно выразительно намекает на предмет и общий тон разговоров Шевченко с бывшим петрашвецем. Подтверждением тому и другая фраза из письма Б. Залесскому: „Он своим присутствием оживил во мне, одином, давно прожитые прекрасные дни“³⁰. Среди других имен в рассказах Данилевского неизбежно должно было возникнуть и имя автора *Бедных людей*, томящегося четвертый год в Омском каторжном остроге. Свидетельство Достоевского на следствии, что „с Данилевским был знаком отдаленно, но на вечерах у него не бывал“, не отражает действительных отношений молодых людей. П. П. Семенов-Тянь-Шанский называет Достоевского среди членов того „приятельского кружка“, который образовался вокруг него и Н. Я. Данилевского благодаря литературным связям последнего в редакции „Отечественных записок“, где тот сотрудничал с 1841 по 1849 год. В этот кружок входили „Салтыков и Мей,

²⁹ См. письма Т. Г. Шевченко Б. Залесскому от 6 июня 1854 года, от 10 февраля и 10 июня 1855 года; А. Н. Плещееву от 6 апреля 1855 года в кн.: Т. Г. Шевченко, *Повне зібрання творів*, т. 6, с. 102, 111, 112, 118. См. также: Л. С. Пустильников, *А. Плещеев и Тарас Шевченко*, „Вопросы литературы“ 1964, № 10, с. 250 - 252.

³⁰ Т. Г. Шевченко, *Повне зібрання творів*, т. 6, с. 103, 107.

Ф. Достоевский, Д. В. Григорович, А. Н. Плещеев, Аполлон и Валерьян Майковы и др.” Мемуарист называет Достоевского не среди тех, с кем они познакомились у Петрашевского или Дурова, а именно среди членов „нашего приятельского кружка” как группы более тесной и близкой между собою. При этом имена Достоевского и Данилевского постоянно соседствуют в *Мемуарах* Семенова вовсе не из-за своего созвучия: „Н. Я. Данилевский читал целый ряд рефератов о социализме и в особенности о фурьеризме, которым он чрезвычайно увлекался, и развивал свои идеи с необыкновенно увлекательной логикой. Достоевский читал отрывки из своих повестей *Бедные люди* и *Неточка Незванова* и высказывался страстно против злоупотребления помещиками крепостным правом”³¹. Естественно при таких посылках, что Данилевский просто не мог обойти имя Достоевского в своих рассказах.

Отмечу еще один момент из воспоминаний П. П. Семенова-Тян-Шанского, который первым из петербуржцев видел летом 1856 года только что вышедшего из каторги Достоевского и потом еще четырежды встречал его в Сибири. Это — потрясение, пережитое Семеновым, когда для него выяснилось „окончательно все нравственное и материальное положение” Достоевского и когда он слушал в первом чтении *Записки из Мертвого дома* „дополняемые устными рассказами”. Семенов был потрясен не только тяжестью пережитого и переживаемого Достоевским, но и личностью писателя, „вышедшего более чем когда-либо с чистой душой и просветленным умом из тяжелой борьбы”. Эта потрясенность явственно выделяет воспоминания о Достоевском из общего сдержанного тона мемуаров, а с другой стороны — во многом объясняет особую душевную теплоту и благодарность, с которыми Достоевский называет имя Семенова в переписке 1856 - 1859 годов³².

Воспоминания П. П. Семенова-Тян-Шанского, письма Достоевского и *Записки из Мертвого дома* с одной стороны, а с другой — *Дневник* Т. Шевченко показывают удивительное сходство многих моментов умственного и душевного состояния, а также итогов, вынесенных художниками из тяжелейшего жизненного испытания.

Прежде всего — это трагедия художника, которому не позволено или практически невозможно заниматься творчеством. И Шевченко, и Достоевский переживали минуты отчаяния, сознавая гибель выношенных, но не реализованных образов, ощущая, что творческие силы сгорают, не имея выхода, и, возможно, никогда более не возродятся. Трагедия обострялась четким пониманием обоими, что единственной возможностью сохранить свою личность,

³¹ Из воспоминаний П. П. Семенова-Тян-Шанского. В кн.: Петрашевцы в воспоминаниях современников, Москва—Ленинград 1926, с. 45 - 52.

³² См. письма Достоевского Ч. Валиханову от 14 декабря 1856 года, А. Е. Врангелю от 4 октября 1859 года и А. И. Гейбовичу от 23 октября 1859 года (*Письма*, т. I. с. 202, 262, 275).

остаться человеком в создавшихся условиях является уход в себя — интенсивная духовная работа.

Отсюда у обоих обостренная жажда хоть какого-нибудь материала для умственной деятельности и жажда уединения, недостижимого и совершенно необходимого при абсолютном духовном одиночестве. В письме Н. Д. Фонвизиной (20-е числа февраля 1854 года) Достоевский пишет: „В солдатской шинели я такой же пленник, как и прежде. И как я рад, что в душе моей нахожу еще надолго терпения, что благ земных не желаю и что мне надо только книг, возможности писать и быть каждодневно несколько часов одному. О последнем я очень беспокоюсь. Вот уже скоро пять лет как я под конвоем в толпе людей, и ни одного часу не был один. Быть одному — это потребность нормальная, как пить и есть, иначе в насильственном этом коммунизме сделаешься человеконенавистником”³³. А в *Дневнике Шевченко* читаем: „Я и прежде не любил шумной деятельности или, лучше сказать, шумного безделья. Но после десятилетней казарменной жизни уединение кажется мне настоящим раем”³⁴. Сходство ощущений Достоевского и Шевченко в данном случае настолько, что его еще в 1831 году оговорил комментатор *Дневника Шевченко* С. П. Шестериков, ссылаясь на *Записки из Мертвого дома*. Эпистолярное свидетельство мне кажется более выразительным в силу жанровой близости: письма Достоевского почти всегда звучат как исповедь или страницы дневника. Углубляет смысл параллели и неоднократно описанное Шевченко ощущение счастья, когда он, сидя на огороде, может заполнять свою тетрадку записями или читать³⁵. Но главное — на страницах дневника день за днем разворачивается не только цепь воспоминаний о семилетней солдатчине, не только вереница мелочных происшествий, составлявших жизнь обитателей форта, но и процесс обретения личностью заново самой себя. Здесь возникает еще одно выразительное сходство: оба писателя четко осознают, что не сломлены всем пережитым ни как личности, ни в своей вере в человека. Подтверждением тому и *Записки из Мертвого дома*, и знаменитая запись Шевченко от 20 июля 1857 года. Часть этой записи обычно цитируется как подтверждение неизменности общественно-политических воззрений поэта: „Ни одна черта в моем внутреннем образе не изменилась. (...) И я от глубины души благодарю моего всемогущего создателя, что он не допустил ужасному коснуться своими железными когтями моих убеждений, моих младенчески-светлых верований”. Оданко в этой записи речь идет прежде всего о том, что личность несмотря „на все роды унижения и поругания”, несмотря на все усилия забить ее, озверить, лишить души и способности человеческого сострадания, осталась личностью — человеком и художником. „Нравственное

³³ Ф. М. Достоевский, *Письма*, т. I, с. 143.

³⁴ Т. Г. Шевченко, *Дневник*, Москва—Ленинград 1931, с. 37.

³⁵ Там же, с. 96.

безобразия” не коснулось внутреннего образа Шевченко, как не коснулось оно и внутреннего образа Достоевского. Такое несомненное сходство итогов десятилетнего страдания показывает почву необходимого внутреннего тяготения или, по крайней мере, напряженного внимания художников друг к другу.

По естественным причинам мимо внимания Шевченко едва ли могло пройти объявление газеты „Русский мир” от 1 сентября 1860 года о том, что на ее страницах будут печататься *Записки из Мертвого дома* — первое в русской литературе произведение о каторге и каторжанах. Равным образом мимо внимания Достоевского не мог пройти *Кобзарь*, увидевший свет 21 января 1860 года и вызвавший огромное число откликов в печати. Не мог пройти уже потому, что в числе переводчиков Шевченко на русский язык был А. Н. Плещеев. В его переводах стихи Шевченко, кроме того, появились 22 января того же года в „Народном чтении” и, видимо, были предметом разговора между Достоевским и Плещеевым во время пребывания последнего в Петербурге как раз в январе³⁶. Подтверждением тому сообщение Плещеевым в письме Достоевскому от 17 марта 1860 года без каких-либо оговорок или уточнений, что он перевел *Наймичку* и самый характер восхищения поэмой, как бы апеллирующего к уже известному и разделяемому адресатом мнению³⁷.

О том, что Достоевский, действительно, разделял восхищение своего друга украинского поэта, позволяет судить некролог, написанный А. Григорьевым и опубликованный в журнале братьев Достоевских „Время” (1861, № 3). Не занимаясь ни оценкой, ни анализом некролога, ни выяснением его места в откликах русской прессы на смерть кобзаря, выделю те из его ведущих тезисов, которые были близки редактору журнала.

Прежде всего не могло противоречить убеждению Достоевского исходное положение А. Григорьева — о месте и значении творчества Шевченко. В таком случае стоит подчеркнуть, что они (место и значение) определяются относительно не только русской или украинской, но всех славянских литератур в целом. „Значение утраты, которую славянские литературы понесли в Тарасе Григорьевиче Шевченко, — если не равносильно с утратами, понесенными ими в Пушкине и Мицкевиче — представителях славянства перед целым человечеством, — то во всяком случае несколько не меньше значения утраты

³⁶ См. письмо А. Н. Плещеева — Е. И. Барановскому от 20 января 1860 года в кн.: *Шестидесятые годы*, Москва—Ленинград 1940, с. 455.

³⁷ Ф. М. Достоевский, *Статьи и материалы*, Москва 1935, с. 451 - 452. Интересно заметить, что современники сразу ощутили поэтическое воздействие Шевченко на Плещеева. Рецензент сборника стихотворений последнего (Москва 1861) в газете „Русская речь” от 9 марта 1861 года (№19 - 20) между прочим писал: „По нашему мнению огромный талант недавно умершего Шевченки сильно и благотворно подействовал на развитие и дарование Плещеева, и действительно последнее имеет много родственного с дарованием знаменитого малороссийского поэта, ранняя смерть которого еще раз доказывает, что сильному таланту как-то не живется на русской почве” (Рецензия подписана „Г.”).

Гоголя или Кольцова". Уровень и широта воздействия творчества Шевченко полностью определяются для А. Григорьева тем, что он — „поэт исключительно народный, поэт, о котором трудно сказать, последний ли это из слепых kobzareй или первый из мастеров и художников, так наивна его красота и вместе так уже артистична". Следовательно, качественное своеобразие и эстетическое совершенство шевченковской поэзии определяются, по убеждению журнала „Время", органическим синтезом в личности поэта народного и прошедшего горнило современной культуры художественного начал. По слиянию в творчестве Шевченко „нагой красоты народной поэзии" и „артистичности" художника А. Григорьев ставит его „как бы в середине" между Пушкиным и Мицкевичем, считает украинского поэта гораздо более могучим и многогранным, чем Кольцов, и более „светлым, простым и искренним", чем Гоголь. Величие Шевченко автор некролога усматривает в самоопределении в нем украинской литературы как самостоятельного и эстетически значительного явления славянской культуры. „Шевченко — последний kobzary и первый великий поэт новой великой литературы славянского мира", — писал он. Подчеркивая, что благодаря Шевченко теперь невозможна недооценка украинской литературы, А. Григорьев вместе с тем обращает внимание на сложный процесс становления молодой национальной литературы, на трудности и опасности, возникающие на этом пути. Гениальный талант Шевченко важен в этом плане как синтез исключительно народного и артистичного. Перевес одного из этих качеств ведет, по мнению критика, либо к потере истинно народного (такова трагедия Гоголя, „поставившего себя в ложное положение быть поэтом совершенно чуждого ему великорусского быта"), либо к узконациональному, завершающемуся потерей всякой художественности. „Ничего не может быть нам противнее того узко-хохлацкого, того одностороннего, жалостного и хныкающего, что вторглось было в нашу литературу с повестями М. Вовчка, но что, конечно, к нашей, уже определившейся литературе, не могло привиться, несмотря на то, что повести М. Вовчка и переданы были нам переводчиком, стоящим неизмеримо выше их автора, несмотря на нашу любовь к Тургеневу, несмотря на умную статью о М. Вовчке г.—бова, которая тоже... гораздо выше всех повестей М. Вовчка, взятых вместе". Не анализирую здесь этой чрезвычайно субъективной оценки повестей М. Вовчка, замечу только, что она (оценка) перекликается с соответствующими положениями статьи Достоевского *Г.-бов и вопрос об искусстве* („Время" 1861, № 2), полемически направленной против „утилитарной критики" Добролюбова в защиту художественности, и свидетельствует об одинаковом взгляде Достоевского и А. Григорьева, в данном случае, на украинскую литературу. Принципиальное отделение повестей М. Вовчок от истинной литературы показывает, что отрицательную оценку ее повестей ни редактор журнала, ни автор шевченковского некролога не распространяли на всю украинскую литературу. Более того, гениальный и подлинно народный талант Шев-

ченко в некрологе представлен как залог дальнейшего развития украинской литературы по намеченному именно им пути.

Вместе с тем, отличительное качество поэзии Шевченко, которое А. Григорьев определил как синтез истинно народного и высоко художественного, позволяет понять, в каком смысле и почему внимание Достоевского к личности, поэзии и мироощущению Шевченко могло быть принципиальным. Интерес к украинскому поэту органически включается в проверку писателем в 1859 - 1863 годах выводов, к которым он пришел на каторге. Убедившись в недоверии и ненависти, которые питает народ к дворянству, в неприемлемости для народа любых лозунгов и идей, идущих из среды дворянства (а следовательно, и интеллигенции), в чуждости для крестьянства любой правды, кроме народной, и любых вождей, кроме вышедших из его среды, Достоевский создает в 1860-е годы теорию „почвы”. Ведущее место в ней занимала идея слияния интеллигенции (образованных классов) с народом („почвой”) путем усвоения интеллигенцией народных общественно-социальных и философско-этических представлений и одновременно — усвоения народом современного европейского уровня культуры и цивилизации. Для проверки этой теории в истоках, составных частях и результативности Достоевскому казались особенно важны те довольно редкие случаи, когда человек из народа поднимался до высот современной культуры, то есть в своей личности осуществлял искомым писателем синтез. Вот почему Достоевский столь упорно доказывал в письме брату от 20 марта 1864 года необходимость проанализировать *Записки актера* М. С. Щепкина: „Для разбора такие книги нам драгоценность. Щепкин чуть не до 30 лет был крепостным человеком. А между тем почти с детства соединился с цивилизованным обществом, не переставая быть народом. Мы пишем о соединении с почвой. Поэтому на Щепкина, как на живой пример, надо с этой точки зрения обратить внимание”³⁸. Такой же „драгоценностью” могла явиться для Достоевского и личность Тараса Шевченко. Его „живой пример” мог стать особенно показательным в силу во многом сходного опыта политических ссыльных и из-за гениального поэтического таланта, народного по природе, и совершенного по „артистичности”.

Самый живой интерес Достоевского могло вызвать письмо Шевченко редактору „Народного чтения” от 18 февраля 1860 года (кн. 2, с. 229 - 236). Пройти мимо внимания оно не могло и потому, что сразу стало предметом обсуждения всего передового общества, и потому, что Достоевский штудировал журнал, готовя собственную статью о народном образовании и „читальниках”. Рассказывая в этом письме свою биографию и судьбу, Шевченко осмыслил их как вполне и полностью типические для народа. Эта убежденность могла придать письму Шевченко в глазах Достоевского значение до-

³⁸ Из архива Ф. М. Достоевского. *Неизданные письма 1839 - 1865 годов*, под ред. П. Н. Сакулина, Москва—Ленинград 1930, с. 93.

кумента, тем более что многие особенности состояния, чувств и мыслей, о которых говорят Шевченко, соответствуют выводам о народе, сделанным Достоевским, и приобретают аналоги в позднейших размышлениях и творчестве писателя.

Письмо Шевченко редактору „Народного чтения” отчетливо демонстрировало ненависть к дворянству в качестве главного и определяющего все остальные чувства народа. Возникая в униженном ребенке, она становится доминантой характера взрослого человека и его отношений к миру, пока в том существует гнет. Эта ненависть не позволила Шевченко спокойно описать свои детские и юношеские годы. „Это мог бы сделать человек, успокоившийся внутренне и успокоенный насчет себе подобных внешними обстоятельствами”. Из всей биографии Шевченко выбирает факты детства и детских страданий, ни словом ни обмолвившись ни о годах ссылки (что естественно по цензурным причинам), ни о светлых годах учения в Академии художеств. Такая выборочность оборачивалась неотразимым доказательством ужаса и бесчеловечия крепостного состояния народа. С другой стороны — и здесь соответствия размышлениям Достоевского особенно глубоки — факты именно детских страданий приобретали принципиальное значение, ибо оказывались факторами формирования человека. „Дети — будущее человечество” — эту формулу Родиона Раскольников не раз повторял его создатель, стремясь по современным детям определить будущее общество и его граждан. Историей своего детства Шевченко показал, что мщение и ненависть, родившиеся в ребенке, закономерны как естественное следствие испытанного им деспотизма и ведут неизбежно к деформации внутренне слабой личности, к стихийному, хотя и отчаянному бунту сильной личности. О своем первом учителе Шевченко пишет: „Этот первый деспот, на которого я наткнулся в моей жизни, поселил во мне на всю жизнь глубокое отвращение и презрение ко всякому насилию одного человека над другим. Мое детское сердце было оскорблено этим исчадием деспотических семинарий миллион раз, и я кончил с ним так, как вообще оканчивают выведенные из терпения беззащитные люди, — мстью и бегством” (мальчик выпорол своего учителя и украл книгу с картинками). Четкое осознание поэтом социальной и гуманистической справедливости бунта (мести) и нравственной значительности бунтующей личности очень сходно с тем, как рассмотрел в те же годы проблему преступлений и преступников из народа Достоевский в *Записках их Мертвого дома*. Для писателя преступления, особенно преступления против начальства, были выражением неосознанного и стихийного протеста крепостной массы, доведенной до отчаяния тяготами социального положения и постоянным, узаконенным государством деспотическим насилием. На примерах многих узников „мертвого дома” Достоевский показал, что уродливая форма бунта (преступление) объясняется, кроме прочего, забитостью личности, не понимающей истинных причин своего трагического положения и потому прибегающей к отчаянной

мере, направленной на ближайшего и наиболее очевидного носителя зла. Именно в этом плане Достоевский приравнял протест, выразившийся в преступлении, социальному протесту крестьянства, а причинами его назвал — оскорбление деспотизмом и месть как естественный взрыв выведенного из терпения беззащитного человека. Сходство размышлений двух писателей в данном случае значительно потому, что один из них — Шевченко — сам был человеком из народа, но человеком развитым, у которого эмоциональная страсть, оставшаяся в крестьянстве стихийной и непростветленной, прошла горнило сознания. При таких условиях совпадение выводов Достоевского о каторге и Шевченко о своей жизни становится не только эмоционально выразительным. Заканчивая *Записки из Мертвого дома*, Достоевский восклицал: „И сколько в этих стенах погребено напрасно молодости, сколько великих сил погибло здесь даром! Ведь надо уж все сказать: ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, невозвратно. А кто виноват? То-то, кто виноват?“ Шевченко завершил свое письмо горьким раздумьем: „Краткая история моей жизни, набросанная мною в этом нестройном рассказе, (...) сказать правду, обошлась мне дороже, чем я думал. Сколько лет потерянных! сколько цветов увядших! И что же я купил у судьбы своими усилиями — не погибнуть? Едва ли не одно страшное уразумение своего прошедшего“. Размышления Шевченко содержат в себе от имени народа вопрос, откровенно поставленный Достоевским: „Кто виноват?“

Этот вопрос был центральным для времени возвращения художников в Петербург, совпавшего со складыванием революционной ситуации в стране. „Толки о готовящейся реформе не вызывали у Шевченко никаких иллюзий, — пишет Ф. Я. Прийма. — Поэт отдавал себе отчет в том, что дело «освобождения» крестьян находится в руках дворянства, а к носителям дворянского свободомыслия он питал инстинктивное недоверие и вражду”³⁹. И в этом случае позиция Шевченко как личности, оставшейся народом, но соединившейся с цивилизованным обществом, могла стать для Достоевского веским аргументом в пользу вывода, сделанного им на каторге: „Простолюдин будет говорить с вами, рассказывать вам о себе, смеяться вместе с вами; будет, пожалуй, плакать перед вами (хоть и не с вами), но никогда не сочтет вас за своего. Он никогда серьезно не сочтет вас за своего родного, за своего брата, за своего настоящего посконного земляка. Пусть сами вы оденетесь (или судьба вас оденет) во все посконное, пусть вы будете даже работать вместе с ним и нести труды его, он и этому не поверит. Бессознательно не поверит, т.е. не поверит даже если б и хотел поверить, потому что эта недоверчивость

³⁹ Ф. Я. Прийма, *Шевченко и русская литература XIX века*, Москва—Ленинград 1961, с. 177.

вошла в плоть и кровь его”⁴⁰. Пример Шевченко (даже вне зависимости от того, в какой мере его общественные убеждения могли оказаться знакомыми Достоевскому) может быть использован как объективное подтверждение правильности вывода русского писателя об общественных потенциях крестьянства, которое не избавится от инстинктивного недоверия и ненависти к дворянству и не примет его „правды”. Достигнув высоты европейской культуры и обретя развитое сознание, человек из народа сумеет выделить из массы дворян „болеющую” за него интеллигенцию, но само такое исключение лишь подчеркнет всеобщность и необходимость закона. Своеобразным свидетельством того — ведущая роль мотива ненависти в поэзии Шевченко и в его *Дневнике*. Опять-таки вне зависимости от того, насколько хорошо мог быть знаком Достоевский с творчеством поэта, место и значение названного мотива объективно подтверждают правомерность вопроса, который возник перед писателем на каторге и который он не раз пытался решить в позднейших романах: к каким изменениям в характере и существе человека приводит социально справедливая жажда мести и ненависть к „унижающим”? Кроме ненависти крестьян-каторжан к дворянам, Достоевского поразило снисходительное презрение, которым народ как бы заведомо исключал дворян из числа полноценных, настоящих людей и свои отношения к ним строил на нравственных основах, значительно отличающихся от нормативных или принятых в отношениях между собою. Поэзия и *Дневник* Шевченко показывают, что наблюдение Достоевского отражало действительную черту народной нравственности, согласно которой все люди делятся на собственно людей (униженных) и „не-людей” или „недочеловеков” (унижающих), согласно которой, иными словами, социальная принадлежность становится ведущим, инстинктивно высшим критерием оценки личности. Интересно в данном плане сопоставить запись в *Дневнике* Шевченко о сданных в солдаты дворянах (от 25 июня) с заметками Достоевского о каторжанах из дворян; в частности, размышления Шевченко о Порцианко, облик которого во многом напоминает „нравственного Квазимодо” Аристова из *Записок из Мертвого дома*. Если Достоевского такой факт падения личности поражает с точки зрения, так сказать, антропологической (как мог человек извратиться в подобной мере?), то Шевченко — с точки зрения социальной психологии: „И это сын статского советника!”. Различение критериев оценки человека из народа и из дворян особенно отчетливо проявляется в том, что все гуманистически положительные явления в дворянской среде Шевченко оговаривает как исключительные. Поэтому постоянные для таких случаев двойные характеристики приобретают в его *Дневнике* принципиальное значение. Например: „Ходил к Трубецкому, весьма

⁴⁰ Ф. М. Достоевский, *Полное собрание художественных произведений*, т. XIII, Москва—Ленинград 1939, с. 98.

милому князю-человеку и не застал его дома”⁴¹. Следует сказать, что о существовании *Дневника* и его содержании знал довольно широкий круг лиц, в том числе близких Достоевскому (см. воспоминания И. С. Тургенева).

Если круг названных выше проблем показывает, почему мог возникнуть у Достоевского интерес к нравственно-идеологическому опыту Шевченко, в какой мере этот интерес соприкасался с идейными исканиями писателя 1859 - 1861 годов, то чрезвычайно большой круг общих знакомых, весьма близких для каждого художника, делает их знакомство и встречи практически неизбежными.

Посредниками встреч Достоевского и Шевченко могли стать в недолгий срок между декабрем 1859 и 26 февраля 1861 года прежде всего уже упоминавшиеся К. А. Трутовский и А. Н. Плещеев. Знакомство могло состояться также на „вторниках” у А. Милюкова, которые в 1860 - 1861 годах активно посещает Достоевский и хозяин которых достаточно хорошо знаком с украинским поэтом, свидетельством чему теплый автограф на *Очерках русской поэзии*, подаренных им Тарасу Шевченко.

Пристального внимания заслуживают также люди, стоящие очень или достаточно близко к Шевченко и оказывающиеся связанными с журналами Достоевского, — А. С. Афанасьев-Чужбинский и Н. И. Костомаров.

Судя по воспоминаниям А. Чужбинского о Шевченко, их отношения в 1859 - 1860 годах были поначалу натянутыми, и холодная отчужденность Тараса Григорьевича, особенно контрастировавшая теплой привязанности и открытости их дружбы 1843 - 1845 годов, причиняла боль и вызывала недоумение мемуариста. Правда, летом 1860 года, возвращаясь вместе после одного из вечеров у Белозерского, они выяснили причину холодности, и стали вновь встречаться с удовольствием⁴². То, что А. Чужбинский постоянно бывал в близком окружении поэта на журфиксах „Основы”, подтверждается воспоминаниями Л. Ф. Пантелеева⁴³.

Любопытно другое: уже прочно вошедший в литературу А. Чужбинский, кроме украинских изданий — „Молодыка”, „Хаты”, „Основы”, чаще всего печатался в „Русском слове”. Именно там опубликована статья-воспоминание *Землякам, над гробом Шевченко* (1861, № 2, отд. III, с. 46 - 48). Но она была последней публикацией в этом издании. Уже в № 12 „Времени” за 1861 год

⁴¹ Т. Г. Шевченко, *Дневник*, с. 206. См. также о М. А. Долоховой: „Несмотря на свою аристократическую гнилую породу, в ней так много сохранилось простого, независимого человеческого чувства и наружной силы и достоинства, что я невольно (сравнил) с изображением свободы Барбье. Она еще мне живо напомнила своей отрывистой прямой речью, жестами и вообще наружностью моего незабвенного друга, княжну Варвару Николаевну Репнину. О, если бы побольше подобных женщин—матерей, лакейски-боярское сословие у нас бы скоро перевелось” (с. 207). Ср. с записью о дочери И. Пушкина (с. 210).

⁴² А. Чужбинский, *Воспоминание о Тарасе Шевченко*, Санкт—Петербург 1861, с. 36 - 39.

⁴³ Л. Ф. Пантелеев, *Из воспоминаний прошлого*, с. 170.

напечатан первый из *Очерков прошлого* — *Ремонтеры прежнего времени*, а затем и весь цикл А. Чужбинского увидел свет на страницах журнала Достоевского („Конокрады” — „Время” 1862, № 4; „Монтеры” — 1862, № 7; „Самодуры” — 1862, № 11 - 12). Когда и при каких обстоятельствах произошло знакомство Достоевского с А. Чужбинским, приведшее к почти исключительному сотрудничеству писателя в новом журнале, неизвестно. Но не лишено оснований полагать, что такое знакомство произошло не без участия Т. Шевченко или Н. И. Костомарова.

Фигура последнего — очень популярного в 1860-е годы профессора истории — вызывает самый серьезный интерес. В 1859 - 1861 годах лекции бывшего участника Кирилло-Мефодиевского братства были в числе самых посещаемых в Петербургском университете. „Николай Иванович никогда не был блестящим лектором и злоупотреблял даже цитатами из летописей, и вообще более читал, нежели говорил, — пишет П. Д. Боборыкин. — Но его очень любили. С его именем соединен был некоторый ореол его прошлого, тех мытарств, через какие он прошел со студенческих своих годов”⁴⁴. Какими бы сложными ни были идеологические отношения Н. И. Костомарова и Т. Г. Шевченко в 1859 - 1861 годах, тем не менее они постоянно появляются вместе. Л. Ф. Пантелеев в уже цитированных воспоминаниях так описывает расположение сил на вечерах редакции „Основы”: „В гостиной на диване за столом обыкновенно усаживались Шевченко, Костомаров и ни на шаг не отходивший от них Кулиш”⁴⁵. И далее, предвзяв описание внешности Шевченко, Л. Ф. Пантелеев обронил значительную в данном случае фразу: „ранее я видел его изредка в университете на лекциях Костомарова и на литературных чтениях, но только на вечерах „Основы” имел случай пристальнее всмотреться в его лицо”. Итак, Шевченко бывал на лекциях Костомарова в самый популярный лекторский „сезон” последнего — в 1860 - 1861 годах. Но об этих лекциях, читаемых бывшим политическим ссыльным, был много слышан и Достоевский. О них писала петербургская пресса⁴⁶. В числе постоянных слушателей Костомарова в эти годы находится Адриан Штакеншнейдер и кружок близкой ему радикальной молодежи, которых или о которых Достоевский хорошо знал по салону сестры Адриана — Елены Андреевны Штакеншнейдер, по рассказам Я. П. Полонского и Н. Н. Страхова. Среди постоянных слуша-

⁴⁴ П. Д. Боборыкин, *За полвека. Воспоминания*, т. I, с. 285. Ср.: Л. Ф. Пантелеев, *Воспоминания*, Москва 1958, с. 191 - 195.

⁴⁵ Л. Ф. Пантелеев, *Из воспоминаний прошлого*, с. 170.

⁴⁶ Например, большая часть *Письма из университета*, помещенного в газете „Русская речь” от 23 февраля 1861 года (№ 16), посвящена „блестящим лекциям г. Костомарова”. Газета информировала о пяти лекциях по истории Малороссии, читанных в январе 1861 года, и лекции о значении исторических работ К. С. Аксакова, прочитанной 16 февраля в зале университета. Автор письма подчеркивал громадный интерес, который проявляет к этим лекциям студенчество и широкая общественность.

телей Костомарова мемуаристы называют Надежду Прокофьевну Суслову. Родная сестра Аполлинии Сусловой, начало близкого знакомства Достоевского с которой припадает на 1861 год, Надежда тоже хорошо знакома с писателем. Л. П. Гроссман пишет о том большом значении, которое имела для Достоевского и для складывающегося отношения писателя к шестидесятиникам его „краткая, но очень серьезная и чистая дружба” с этой выдающейся русской женщиной — врачом и революционером⁴⁷. Немногие упоминания Достоевским и Н. П. Сусловой в переписке и единственное письмо к ней дают все основания считать, что их отношения были очень доверительными, искренними и чрезвычайно уважительными. „Вы, кажется, не первый год меня знаете, — писал ей Достоевский 19 апреля 1865 года, — я в каждую тяжелую минуту к Вам приезжал отдохнуть душой, а в последнее время исключительно только к вам одной и приходил, когда уж очень бывало наболит в сердце”⁴⁸. Не занимаясь выяснением степени близости Достоевского к кружку Н. П. Сусловой, можно с уверенностью говорить о значительной осведомленности писателя в делах, идеях, настроениях и увлечениях молодежи, узнать которую писатель так стремился. В таком случае фигура Н. И. Костомарова никак не могла выпасть из сферы внимания Достоевского.

К названным прибавляются еще два факта, любопытно и прочно связывающих имена Достоевского и Костомарова. В 1923 году М. Лемке опубликовал в сборнике *Политические процессы в России 1860-х годов* статью *Пожары и зажигатели*, предназначенную для июньского номера „Времени” за 1862 год, но запрещенную цензурой. Анализ статьи дал основания М. Лемке считать ее автором Ф. Достоевского. Не решаясь на столь категорическое утверждение, все исследователи вплоть до самого последнего времени единодушно использовали статью для характеристики позиции Достоевского 1860-х годов в силу большой близости идеям редактора журнала. Однако недавние разыскания И. Г. Ямпольского и опубликованные в последнем томе *Литературного наследия* корректуры запрещенных цензурой статей „Времени” о пожарах показали, что статья *Пожары и зажигатели* в их число не входила, что она была предназначена для газеты „Современное слово” и что автором ее является Н. И. Костомаров⁴⁹. Открытие И. Г. Ямпольского доказывает столь принципиальную близость Достоевского и Костомарова по ряду важнейших проблем современности, которая не могла пройти незамеченной обоими деятелями и неизбежно должна была привести к их знакомству.

В качестве другого аргумента близости Достоевского и Костомарова по ряду проблем могут быть использованы материалы, приведенные Л. М. Лот-

⁴⁷ Л. П. Гроссман, *Ф. М. Достоевский*, Москва 1965, с. 281.

⁴⁸ Ф. М. Достоевский, *Письма*, т. I, с. 403.

⁴⁹ И. Г. Ямпольский, *О двух статьях, приписывавшихся Ф. М. Достоевскому*, „Вопросы литературы” 1971, № 10, с. 253 - 254.

ман в статье *Романы Достоевского и русская легенда*⁵⁰. Эти материалы намечают новый аспект внимания писателя к Костомарову уже как редактору *Памятников старинной русской литературы* (СПб. 1860), их комментатору и исследователю. Л. М. Лотман говорит, что в случаях расхождения этико-философских трактовок той или иной легенды в афанасьевском и костомаровском сборниках, Достоевский оказывается ближе Костомарову. Так складывается почва не только возможного, но неизбежного их знакомства. Местом встреч могли быть и публичные лекции Н. И. Костомарова, и его знаменитый диспут с Погодиным о происхождении Руси (19 марта 1860 года), и его собственные вечера, на которых, судя по воспоминаниям Л. Ф. Пантелеева, бывал довольно широкий круг лиц, и вечера у Т. Н. Тиблена, где бывали „Чернышевский, Соколов (автор *Отщепенцев*), А. Н. Бекетов, Костомаров, Бибииков, Достоевский, Страхов, Лавров и др”⁵¹. В перечне посетителей вечеров у Н. Т. Тиблена имя Костомарова названо среди лиц очень близких Достоевскому в эти годы (А. Н. Бекетов, Н. Н. Страхов), или печатавшихся и работавших в его журнале (Соколов, Бибииков), или знакомых ему по другим литературным салонам (П. Л. Лавров). Вполне допустимо, что Достоевский тоже посещал университетские лекции Костомарова: ведь в „аудиториях нередко появлялись известные литераторы, учителя, профессора других учебных заведений, люди почтенные по своему возрасту и официальному положению; так, одно время, гр. Ф. П. Толстой, тогдашний вице-президент Академии Художеств, вместе с своим семейством посещал лекции Н. И. Костомарова”⁵². Сопоставляя все названные факты, можно предполагать знакомство и неоднократные встречи всех троих деятелей — Достоевского, Костомарова и Шевченко.

Но наиболее вероятным местом личных встреч Достоевского и Шевченко является дом И. С. Тургенева.

После публикации в феврале 1860 года журналом „Народное чтение” письма Шевченко, комитет Литературного фонда по инициативе Тургенева начал хлопотать об освобождении родных поэта от крепостной зависимости. Эти хлопоты стали причиной частых встреч Тургенева и Шевченко. Достаточно сравнить два письма Тургенева М. А. Маркович (М. Вовчок). 6/18 января 1860 года он пишет: „Малороссов здешних я вижу, но не так часто, как в прошлом году — особенно Шевченку”⁵³. А 20 марта (1 апреля) того же года уже иное признание: „Я часто вижусь с Шевченко, с Карташевскими”⁵⁴. Эти час-

⁵⁰ „Русская литература” 1972, № 2, 129 - 141.

⁵¹ „Звенья” V, Москва—Ленинград 1935, с. 754. См. также: Л. Ф. Пантелеев, *Из воспоминаний прошлого*, с. 254 - 257; Н. Н. Страхов, *Ф. Достоевскому от 18 сентября 1863 года*. В кн.: Шестидесятые годы, Москва—Ленинград 1940, с. 256.

⁵² Л. Ф. Пантелеев, *Из воспоминаний прошлого*, с. 145, 113; см. также: П. В. Быков, *Силуэты далекого прошлого*, Москва—Ленинград 1930, с. 178, 180.

⁵³ И. С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем. Письма*, т. IV, Москва—Ленинград 1962, с. 9.

⁵⁴ Там же, с. 58.

тые встречи начались именно с февраля, что подтверждается письмом Шевченко Н. Я. Макарову от 7 числа: „Дознайтесь, будьте ласкаві, чи буде завтра ввечері дома Варвара Яковлевна. Якщо буде, то і я до неї прибуду з І. С. Тургеневим”⁵⁵. Ту же В. Я. Карташевскую 22 марта (3 апреля) Тургенев оповещает записочкой, что не сможет приехать к ней из-за репетиций чтения. Комментаторы академического издания писем Тургенева убедительно доказали, что речь идет о репетициях любительских спектаклей, которые состоялись в апреле 1860 года. Инициаторами спектаклей были П. И. Вейнберг и А. Ф. Писемский. 14 апреля в зале Руадзе был поставлен *Ревизор*. В нем Хлестакова играл Вейнберг, купцов — Тургенев, Григорович, Дружинин, А. Майков, В. Курочкин, И. Панаев, Краевский, а почтмейстера Шпекина блестяще исполнил Достоевский. 18 апреля почти в том же составе была сыграна *Женитьба*. Во втором спектакле Достоевский не играл, но принимал самое деятельное участие в организации, потому что 11/23 мая комитет общества для пособия нуждающимся литераторам выразил ему благодарность за труды в двух спектаклях⁵⁶. Репетиции обеих спектаклей постоянно шли на квартире Тургенева. Следовательно, в феврале-апреле 1860 года Тургенев часто видит и Достоевского, и Шевченко. Той же В. Я. Карташевской в начале апреля Тургенев пишет: „Увидимся на репетиции *Женитьбы* — завтра вечером”⁵⁷. Но если на репетициях бывала Карташевская, то вероятно бывал на них и Шевченко. Тем более, что среди участников и исполнителей немало лиц, знакомых ему по 1840-м годам — Д. В. Григорович, И. Панаев; по периоду ссылки — А. Ф. Писемский; новых знакомых, к которым поэт очень тепло настроен, — В. Курочкин, П. Вейнберг, в чьем переводе как раз в марте 1860 года опубликовано стихотворение Шевченко *Тополя*. Не следует забывать и того, что трое исполнителей ролей — Тургенев, Дружинин, Краевский — были членами комитета Литературного фонда, именно в те же дни активно хлопотавшего об освобождении родных поэта. Добавлю, что столь близкий и Достоевскому, и Шевченко А. Н. Плещеев как раз в марте 1860 года написал восторженное письмо Достоевскому о переведенной им поэме Шевченко *Наймичка*. В таких обстоятельствах почти невероятно, чтобы Достоевский и Шевченко не встретились у Тургенева или через его посредничество.

Они могли встретиться хотя бы на обеде у Тургенева, устроенном в честь вернувшегося из ссылки Н. И. Спешнева. Где-то в марте или начале апреля Тургенев писал: „Любезнейший Тарас Григорьевич, Вы желали познакомиться со Спешневым: он у меня завтра обедает — приходите. Мы все (и он разумеется) будем очень рады видеть Вас. До свиданья. Искренне Вам преданный Ив.

⁵⁵ Т. Г. Шевченко, *Повне зібрання творів*, т. VI, с. 248.

⁵⁶ Л. П. Гроссман, *Жизнь и труды Ф. М. Достоевского*, Москва—Ленинград 1935, с. 102.

⁵⁷ И. С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем. Письма*, т. IV, с. 63.

Тургенев”⁵⁸. Но Н. И. Спешнев занимал слишком значительное место в жизни Достоевского 1840-х годов, чтобы он мог остаться равнодушным к нему в 1860. В первом же по выходе из каторги письме брату из Омска от 22 февраля 1854 года Достоевский с нескрываемым восхищением рассказывает о судьбе этой личности, самой яркой среди петрашевцев: „Спешнев в Иркутской губернии, приобрел всеобщую любовь и уважение. Чудная судьба этого человека! Где и как он не явится, люди самые непосредственные, самые непроходимые окружают его тотчас же уважением и благоговением”⁵⁹. С таким же неподдельным восторгом писал о Спешневе, бывшем проездом в Москве, А. Н. Плещеев в письме Добролюбову от 12 февраля 1860 года. А в письме Достоевскому от 17 марта спрашивал: „Что Спешнев долго ли будет в Петербурге и где поселится?”. Сама постановка вопроса достаточно однозначно свидетельствует, что Достоевский в марте-апреле 1860 года неоднократно встречался со Спешневым, и одна из таких встреч могла произойти на обеде у Тургенева. Поскольку о приезде Спешнева знали заранее (см. письмо А. Н. Плещеева Достоевскому от 13 декабря 1859 года), то речь о нем и о какой-то форме встречи, очевидно, не раз шла в окружении Тургенева. Тогда должен был отчетливо сложиться круг лиц, либо тоже жаждавших видеть Спешнева, либо постоянно встречавшихся, о которых Тургенев в записке Шевченко мог сказать „все мы”, не делая дополнительных уточнений и расшифровок. Достоевский в данный период времени попадает и в тот, и в другой круг, так что сомневаться в вероятности встреч Достоевского и Шевченко у Тургенева почти не приходится.

И еще один круг лиц должен быть учтен при исследовании возможных встреч писателей. Речь идет о посетителях салона Штакеншнейдеров. По возвращении в Петербург Достоевский и Шевченко оказались связанными с двумя литературными салонами, отчасти соперничавшими между собою: Шевченко — с салоном Толстых, Достоевский — с салоном Штакеншнейдеров. Соперничество салонов, по мнению И. Н. Розанова, комментатора *Дневника* Е. А. Штакеншнейдер, „отражается на холодном отношении Елены Андреевны к успеху Шевченко, к выступлению Костомарова на диспуте о происхождении Руси. Шевченко и Костомаров для нее представители враждебного салона. Костомарову она могла бы противопоставить Петра Лаврова, Шевченке — Достоевского”⁶⁰. Однако такое противопоставление Елена Андреевна могла бы сделать значительно позднее, в 1878 - 1880 годах, когда Достоевский — автор *Дневника писателя* и особенно *Братьев Карамазовых* — стал для нее, действительно, учителем жизни. В 1859 - 1860 годах для нее гораздо более значимы В. Бенедиктов, Я. Полонский, П. Лавров и, конечно

⁵⁸ Там же, т. IV, с. 64.

⁵⁹ Ф. М. Достоевский, *Письма*, т. I, с. 140.

⁶⁰ И. Н. Розанов, *Елена Андреевна Штакеншнейдер и ее дневник*. В кн.: Е. А. Штакеншнейдер, *Дневник и записки*, Москва—Ленинград 1934, с. 17 - 18.

же, Н. Осипов, который собственно и послужил яблоком раздора между двумя салонами. Вспоминая в 1884 году события двадцатилетней давности и удивляясь тому, насколько незаметно прошло возвращение Достоевского из ссылки, она пишет: „И вот и я даже не внесла в дневник точного времени, когда в первый раз явился он к нам. Помню только, что бывал он почти каждую субботу, когда принимали мы внизу, т.е. до 1861 года, и в 1861 году, когда гостиная была уже наверху, в бывшей детской. Рассказывал и говорил он очень интересно и тогда уже, но такого впечатления, какое производил в последние годы своей жизни, тогда не производил”. Автор дневника объясняет эту странность той духовной и идеологической насыщенностью и оптимизмом 1860-х годов, на фоне которых трагические размышления Достоевского не представлялись основательными или существенными. Для нас важно другое: в 1860 - 1861 годах Достоевский постоянно бывал в салоне Елены Андреевны и не только слушал, но и рассказывал много и интересно, особенно „о Сибири, о каторге, о поселении”⁶¹. В таком случае речь о Шевченко в салоне должна была возникнуть естественно и неизбежно. Сам поэт у Штакеншнейдеров едва ли бывал, хотя полностью такая возможность не исключена. Описывая необычайное волнение, пережитое Шевченко на литературных чтениях в Пассаже, Елена Андреевна замечает: „Провожая Шевченку, ему хлопали уже гораздо меньше — точно весь восторг выдохся при встрече, или точно то, что он прочел, его охладило. В нашу ложу явился Шевченко уже совершенно оправившимся”⁶². Следовательно, знакомства и встреч со Штакеншнейдерами Шевченко не избегал. Кроме того, в близком окружении Елены Андреевны было много людей, либо сыгравших значительную роль в освобождении поэта от солдатчины (Н. Осипов), либо сблизившихся с ним сразу по возвращении из ссылки (А. Майков, В. Бенедиктов, Н. Щербина, Я. Полонский). Но А. Майков и Я. Полонский одновременно принадлежат самому близкому и душевному окружению Достоевского 1860-х годов. Особого внимания в данном случае заслуживает Я. П. Полонский.

Начиная 1859 годом, на протяжении двух десятилетий его связывала с Достоевским самая тесная и искренняя дружба. В 1861 - 1865 годах Я. П. Полонский был постоянным сотрудником журналов „Время” и „Эпоха”, не только много печатаясь, но и по поручению редактора привлекая к сотрудничеству известных русских писателей (например, И. С. Тургенева, А. Фета, Л. Толстого)⁶³. В 1860 - 1861 годах Достоевский встречался с Полонским и в салоне Е. А. Штакеншнейдер, и в доме самого Якова Петровича. В этом гостеприимном доме в то же самое время бывал и Шевченко. Рассказывая о своеобразной „моде на него” в Петербурге в 1859 - 1860 годах, А. А. Благовещенский вспо-

⁶¹ Там же, с. 454.

⁶² Там же, с. 270.

⁶³ См. письмо И. С. Тургенева — Я. П. Полонскому от 21 мая (2 июня) 1861 года. В кн.: И. С. Тургенев, *Полное собрание сочинений и писем. Письма*, т. IV, с. 240 - 241.

минал: „Вечера он проводил у графа Ф. П. Толстого, Лазаревских, Костомарова, Полонского, Жижиленка, в музыкальном семействе И. И. Гринберг и многих других”⁶⁴. Но для Я. П. Полонского знакомство с украинским поэтом не было данью „моде на него”, чему свидетельством воспоминания, написанные, как и воспоминания И. С. Тургенева, для пражского издания *Кобзаря* 1876 года. По признанию опубликовавшего их Ю. Никольского, они вносят существенные коррективы в некоторые тургеневские оценки и утверждения⁶⁵. Почти не останавливаясь на портрете Шевченко, Полонский стремится воссоздать духовный облик поэта, подчеркивая в нем не столько черты страдальца, сколько „тот казацкий дух, который воодушевлял его”. „Шевченко вовсе не казался человеком забитым судьбой” — вот главный внутренний мотив, придающий воспоминаниям Полонского мажорный тон. При сопоставлении воспоминаний Полонского и Тургенева создается впечатление, что рассказу Тургенева о трагической судьбе Шевченко-человека Полонский полемично противопоставил рассказ о духовно значительной личности народного поэта, пронесшего через жизненные испытания предельную бесхитрость, запальчивость, октровенность и „даже бесстрашие в том смысле слова, что неумеренные речи его частенько заставляли других бояться за него, или затыкать уши и убежать”. Я. П. Полонский много рассказывает о „диких проявлениях страстной ненависти поэта” ко всему, что „испортило его жизнь”. Однако мемуарист расценивает подобную реакцию как естественное проявление и следствие стихийного демократизма Шевченко: „Он был демократом не по теории, не по своим взглядам на жизнь, но, так сказать, демократ по натуре. В своем демократизме он так же не мог бы дать себе отчета, как и в том невольном проникновении в дух народных песен, которое составляло характерную черту его музыки”. Не касаясь особенностей данной Полонским характеристики, замечу только, что она могла возникнуть в результате неоднократных встреч и достаточно тесного знакомства, позволявшего наблюдать украинского поэта в самых разнообразных ситуациях, настроении, состоянии, в отношениях с самыми разными людьми. Подтверждением тому и замечание мемуариста, что иногда „Шевченко бывал у него вместе с Микешиним”, и рассказ об особенно запомнившемся последнем визите поэта, когда тот, негодуя, плакал о родных. Сопоставление воспоминаний Тургенева и Полонского показывает, насколько сердечным и глубоко уважительным к достоинству и личной значительности украинского поэта, насколько внимательным к его болям и стремлениям было отношение Полонского (при всей очевидной разности общественных воззрений обоих).

Совокупность приведенных фактов показывает, что круг и самый характер

⁶⁴ А. А. Благовещенский, *Шевченко в Петербурге. (1858 - 1861)*, „Исторический вестник” 1896, т. 64, с. 901.

⁶⁵ Ю. Никольский, *Тургенев и писатели Украины*, „Русская мысль” 1914, №7, с. 99 - 117.

лиц, равно близких Достоевскому и Шевченко, делает их знакомство неизбежным, а их представление друг о друге достаточно полным. Для Достоевского это знакомство и представление стало и не могло не стать подтверждением раздумий о современном народе, его мироощущении и общественной активности, иными словами — раздумий о перспективах русского общественного движения вообще. Именно этот момент оказался главным и предопределил внешне странную, но внутренне глубоко закономерную историю несостоявшейся близости двух „мучеников за правду”.

F. M. DOSTOYEVSKY AND T. G. SHEVCHENKO

by

RITA PODDUBNAIA

Summary

The tragic similarities of the fate of T. Shevchenko and F. Dostoyevsky (excellent literary debuts, participation in the underground political organizations, arrests, ten-years long military service of one, penal colony and next military service together with the exile of the second) allowed the author of this article to discuss for the first time in the theory of literature the problem of inevitable mutual interest of the writers, or at least of Dostoyevsky's interest in Shevchenko.

According to the author of this article the interest in the individuality, poetry and world-views of the Ukrainian poet was in a natural way combined in Dostoyevsky in the years 1859 - 1863 with the verification of conclusions on the contemporary people and its social activities, to which the author came during his exile and with the considerations on the theory of "soil" created during these years. Shevchenko as an individuality and an artist combining in himself the folk and other elements which were digested by the contemporary European culture could be an object of Dostoyevsky's main interests in his ideological search of the sixtieth.

The author arrives at a conclusion, when analysing the individual and creative milieu of both artists of the 40's, and the time of the exile and short period from Dostoyevsky's return to Petersburg (December 1850) to the death of Shevchenko (February 1861) that their acquaintance and personal meetings of the writers were practically unavoidable and their mutual opinions about each other were sufficiently crystallized.

For Dostoyevsky this acquaintance conviction should have confirmed the justifiability of his considerations on the mutual relations of the people and the intellectuals, and as a result determined the perspectives of Russian social movements in general. Just this aspect determined the completely justified history of an unfulfilled encounter of these two "martyrs for truth".